

Юлия АГЕНТОВА

ДЕВЧОНКА ПО ИМЕНИ РОДИНА

Рассказ

— С чего начинается Родина? — провозгласил Алишер, остановившись у доски, и торжественно поднял руку.

Мы, сначала не обратившие внимания на доску, остановились. Многие засмеялись.

— С башмаков! — крикнул кто-то.

— С носков! — подхватил другой.

— С ленточек...

— С трусов!

Общий хохот.

— С родинки!

Высокая, крепко сбитая девочка остановилась около второй парты у окна и, развернувшись, сердито поглядела на одноклассников. Рука изо всех сил сжала ручку портфеля, готовясь нанести удар. Однако обидчиков было слишком много, и она растерялась. Губы девочки сжались, ноздри маленького носа, наоборот, раздулись.

— Смотрите, она сделала губы, как хинкали, — засмеялся Ираклий. — Так и хочется съесть! Когда-нибудь откушу тебе их. Ам!

Он шагнул вперед и клацнул зубами — портфель полетел в него. Ираклий увернулся.

— Я лучше гадюку поцелую, чем тебя! — крикнула девочка, бросаясь на обидчика.

— Та-ак, седьмой «Б», кто не слышал звонка? — в дверях класса появилась математичка. — Готовьтесь к уроку! Ираклий, Родина, где ваши места?

Ираклий хотел шмыгнуть за парту, но девочка преградила путь. Она была настроена воинственно.

— Мария Федоровна, можно мне написать заявление? — звонко спросила она.

— Заявление?

— Да, заявление в милицию! За оскорбление чести и достоинства. Моего и, между прочим, — тут она сердито обернулась на одноклассников, — государства. А еще по поводу... сексуальных домогательств! — выпалила она.

Глаза Марии Федоровны поднялись над стеклами очков, она растерянно поправила дужку у переносицы и уставилась на девочку:

— Каких домогательств?..

— Сексуальных!

Юлия Андреевна Агентова родилась в Казахстане, в г. Чу. Окончила Пермский государственный педагогический институт. Дополнительное образование — четыре курса Открытой литературной школы г. Алматы под руководством Ильи Одегова и Оксаны Трутневой. Публиковалась в журналах «*Littera nova*», «Зарубежные ЗА-ЗА задворки», «Рапсод 1», «Рапсод 2», а также в электронных ресурсах. Живет в г. Алматы.

Класс лег на парты от хохота.

— В чем дело? — рассердилась учительница. — Кто к тебе пристает, Акишева?

Девочка выбросила палец вперед, указав на Ираклия. Тот, не ожидавший такого поворота, округлил большие сливовидные глаза и открыл рот, бледное с тонкой кожей лицо его порозовело.

Марию Федоровну «ответ» не удовлетворил: она слишком хорошо знала, с кем имеет дело.

— Сания, может быть, ты объяснишь, что произошло? — обратилась она к старосте класса.

Сания, поднявшись из-за парты, только фыркнула в ладошку и помотала головой.

— Асель?

Асель хихикала, но тоже молчала.

Мария Федоровна обвела глазами веселящийся класс.

Самый серьезный в классе у нас рыжий Саша Линева, улыбку на его лице едва выжмешь. Наверное, поэтому Мария Федоровна обратилась к нему:

— Линева, а ты можешь объяснить?

— Могу, Мария Федоровна, — Линева пожал плечами и встал. — Родину опять дразнили — из-за этого.

Он кивнул на доску.

Мария Федоровна посмотрела туда и еще больше рассердилась.

— Кто дежурный? — резко спросила она. — Приведите доску в порядок!

Дежурная понеслась в коридор мочить тряпку.

— Так, Линева, а кто оскорблял Акишеву?

— Никто не оскорблял... Ираклий пошутил насчет рта, сказал, что ее губы похожи на хинкали и он хочет их съесть.

— Вот видите, Мария Федоровна, — не выдержав, закричала девочка. — Они издевались надо мной и моим именем! А это ведь не только мое имя, правда? А Ираклий...

— Хватит, Родина! Успокойся. Думаю, Беридзе еще не дорос до того, в чем ты его обвиняешь. Иди на место, Ираклий, и думай впредь о своих словах. А у тебя, Родина, имя и правда прекрасное. Смеяться над ним грешно, ребята! И сколько можно, в конце концов?

— Тем более что меня зовут не Родина, а Радина, — сказала сквозь слезы девочка, четко выговаривая «а» и делая ударение на «и». — Я могу доказать! Можно мне выйти, Мария Федоровна?

— Ну выйди, Акишева, — недовольно сказала учительница, понимая, что спорить себе дороже, затем повернулась к чистой доске и записала тему урока.

Девочка отсутствовала минут пятнадцать, возвратилась она с тонкой зеленой книжечкой в руках. Войдя в класс, потрясла ею над головой, а когда закончился урок, вскочила на сиденье парты:

— Эй, все сюда, кто не верит! Смотрите, я Радина, а не Родина!

Она раскрыла книжицу, которая оказалась свидетельством о рождении, и провела ею перед носами столпившихся ребят.

— Да здесь не разберешь ничего! Не то Родина, не то Радина! — сказал Вадик Косарев.

— А ты лучше смотри! Хвостик же видно: это «а», а не «о».

— Ну, мы ведь знаем, что ты Родина, потому что твой отец...

— Это глупая легенда! — перебила девочка.

— Такого имени даже нет — «Радина», и слова такого нет! — насмешливо сказала Гульнара. — Так что, скорее всего, там написано «Родина».

— А вот и есть! Радина — болгарское имя. Я в газете читала!

— Болгария тут при чем?

— А при том...

Девочка замолчала, но потом быстро затараторила:

— Мой отец ее освобождал. И... влюбился! В прекрасную партизанку в пилотке и гимнастерке, с черными цыганскими глазами. Меня он назвал в ее честь.

— А плакат?..

Девочка насмешливо развела руками:

— Вы что, не понимаете? Не будешь же каждому объяснять про любовь!

В это время раздался звонок, и в класс вошла Жамиля Оспановна.

— А мы сейчас у твоей мамы спросим!

Но Родина Акишева сделала страшные глаза и покрутила пальцем у виска, всем видом показывая, что спрашивать об этом у матери — самое глупое, что только можно сделать.

— Родина, звонка не слышала? Чего ты на парту взобралась?

— Мама, я ведь Радина, а не Родина, правда? Так в свидетельстве написано, вот!

Она спрыгнула с парты и протянула свидетельство о рождении.

Жамиля Оспановна недовольно поморщилась. Во-первых, она категорически не решала дочери в школе называть ее мамой. Кроме этики, это напоминало еще и об особом положении Родины, что вызывало бесконечные пересуды. Во-вторых, как надоела ей эта история с именем! Зря Райхан, когда привела девочку в школу, подписала тетрадки «Акишева Родина», даже не посоветовавшись с ними. И она упустила момент, не предусмотрела, хотя и могла... Теперь у дочери постоянные конфликты. «Доучить бы ее до десятого, потом сразу на пенсию уйду! — подумала она. — Как раз двадцать пять лет стажа будет».

— Зачем ты взяла свидетельство? Потеряешь еще! Дай сюда.

Дочка отдала, но по-прежнему вопросительно смотрела на мать. В свидетельстве и правда хвостик «о» был написан не сверху, а снизу. Может, это действительно выход?

— Пусть будет Радина, раз ты так хочешь, — примирительно сказала мать, — а сейчас садись, и начнем урок.

Но девочка решила добиться полной победы:

— Не потому, что хочу, а потому, что правильно! Написано пером — не вырубешь топором!

Жамиля Оспановна снова поморщилась и уже решительно махнула рукой, чтобы дочь наконец села, а затем подошла к доске.

— Странная семейка! — шепнул мне на ухо Ермек, но так, чтобы слышала севшая сзади за парту девочка. — Два имени, две матери и еще болгарская любовница!

И тут же получил книжкой по голове.

С тех пор Родина Акишева стала зваться в классе Радиной. Не сразу, конечно: сначала оба имени существовали вместе. Но Акишева упорно всех поправляла. Подружки поддерживали ее, я тоже. Да нам было и проще: мы обычно называли ее Радинкой. А в этом случае нет разницы между «а» и «о». Постепенно и другие привыкли так ее называть. Дальше я тоже буду называть ее Радина, хотя история с болгарской девушкой — сплошная выдумка. Касым Жуспаевич, ее отец, и не воевал вовсе! Он в то время еще подростком был, а в конце войны на заводе работал. Мне ли не знать? Я ведь жил с Радинкой в одном доме, в одном дворе, по которому мы вместе еще на коленках ползали. Наши матери в одной бухгалтерии работали и давно дружили. Но... я должен предупредить, что имею в виду сейчас не Жамилю Оспановну, а тетю Райхан!

Все истории, связанные с моей подругой, я слышал с раннего детства. О них часто вспоминали, как только у нас собирались гости или мы у кого-нибудь сидели за столом. Ведь у Радины все с самого начала сложилось не так, как у других, и людям было о чем посудачить.

Райхан Жуспаевна — родная сестра дяди Касыма. Как говорят, в юности была красавицей и вышла замуж за местного парня. А потом оказалось, что она не может иметь детей. Муж, когда узнал об этом, бросил ее, уехал из поселка. Райхан вернулась к матери, но так переживала, что даже пыталась наложить на себя руки. Вот тогда мать и привела ее к сыну.

— По нашим законам, — сказала Роза-апа, — первого рожденного ребенка отдают в семью родителей. Вы этого не сделали, вот горе и обрушилось на нас! Но теперь мы хотим все исправить и забрать Амира. Иначе Райхан сойдет с ума: ни мужа у нее, ни детей!

Амиру на тот момент исполнилось уже пять, он играл в соседней комнате и все слышал. Мальчик испугался и побежал во двор к матери. Дядя Касым тоже испугался: ведь Амир был любимым его сыном.

— Отдают маленьких детей, апа, — сказал он. — А Амир — большой мальчик, все понимает. Как же я его отдам?

— Тогда заберем Аскаррика, — сказала апа, — он еще ничего не понимает!

Жамиля Оспановна в этот момент вошла в комнату с маленьким Аскарком на руках. Она закричала:

— Как Аскаррика? Не отдам! Ребенку материнское молоко нужно.

Дядя Касым был расстроен, но Роза-апа настаивала:

— Не отдадите ребенка, что с Райхан будет? Хотите, чтоб она от горя умерла?

Сама же Райхан стояла у двери и плакала, а потом вдруг говорит:

— Может, я девочку заберу?

Все растерялись:

— Какую девочку?

Девочки вошли в комнату вслед за матерью. Разия и Сауле тут же спрятались за ее спину от тетки. Только годовалая Родина ничего не понимала, стояла посередине комнаты и улыбалась. Тетя Райхан протянула руки, и девочка зашагала к ней.

— Ее! — сказала Райхан.

Но дядя Касым и Жамиля Оспановна еще долго думали, прежде чем отдать свою дочь. Однако в конце концов пожалели Райхан и согласились. Так у Радинки стало две матери.

Моя мама говорит, что когда ее принесли в наш дом, мы с ней сразу подружились. Нам расстелили во дворе под алычой цветное одеяло, и мы целый день на нем ползали и играли.

Историю имени своей подруги я услышал лет в шесть-семь, а до того не замечал в нем ничего особенного: я ведь привык к нему. Но однажды родственница из Тараза спросила, правильно ли расслышала имя соседской девочки. «Правильно, ее отец так назвал, — сказала мама и стала рассказывать, как все случилось. — Пришло время регистрировать дочку, а Жамиля заболела. Вот и попросила мужа поехать в райцентр вместо себя, потому что с машиной уже договорились. Касым тогда только из командировки вернулся. Спрашивает, как назвали девочку. А родственники, что у них собирались, давай ему разные имена говорить.

— Так как же записать ее? — растерялся Касым.

— Запиши то имя, какое тебе больше понравилось, — развела Жамиля руками. — Мы сами выбрать не можем!

Касым поехал, но по дороге выпил с друзьями и позабыл все имена. Подошла его очередь в загсе — он не знает, что сказать. Вспомнил, что жена разрешила ему самому выбрать имя, но в голову все равно ничего не приходит. Оглянулся по сторонам. А на стене висел плакат: „Пусть здравствует и процветает наша Родина!“ Он и подумал, что Родина — красивое имя для девочки. Так и велел записать».

Радинка была боевая и жила на два дома. Там ей конфет сунут, здесь... В одном доме обидят, бежит жаловаться в другой. Играла в основном с мальчишками, моими друзьями. И в асыки умела, и в лягу. По садам, как мы, лазила и дралась иногда или поднимала крик, если меня кто-то пытался побить.

Только имя ее ей не нравилось. Мне тоже.

— Хорошо, что теперь ты не Родина, а Радина, — сказал я. — Досталось тебе от этого имени!

Конец мая в этом году выдался невыносимо жарким. Мы закончили делать уроки в прохладной летней кухне, а потом, чтобы не расплавиться во дворе, отправились на пруд, обсуждая происшествие в школе.

— Я случайно свидетельство в коробке нашла, — пояснила Радина. — Мы с Разией рисовать хотели, полезла за карандашами в шкаф, а оно там. Поглядела в него — и придумала! Радина ведь еще и красивее, правда?

— Не знаю, наверное... — пожал я плечами.

В маленьком заброшенном пруду, кроме пацанов, никто не купался. Но другого места для купания в нашем поселке нет, и мы бегали летом на этот прудик. Радинка, конечно, тоже.

— Сначала я, потом ты! — скомандовала она, когда мы добрались до места.

Я удивился: обычно мы купались вместе.

— Иди туда, — махнула Радина рукой на ивовые заросли, — и не подглядывай!

Я опять пожал плечами и полез на холм, где растянулся на прохладной земле, заложив за голову руки, уставившись в резную сеть сплетенных веток. Нужно было мне подглядывать! Просто лежал и вспоминал, как мы купались раньше.

Купальников не знали. Я залазил в воду в трусах, а Радинка — в трусах и майке. Зад ее под черными трусиками напоминал две фасолины, которые смешно двигались, когда она, мокрая, выходила из воды. Майка у Радины от купания и долгого пребывания на солнце выцвела так, что я даже не мог определить ее цвет: не то сизый, не то сивый, как у коней дядя Вали, на которых он развозит по полям фляги с водой, чтоб рабочие могли напиться, зачерпнув ковшиком чистой родниковой воды.

Под майкой уже в прошлом году у Радинки наметились груди, как будто она забыла там два зеленых яблочка, которые мы тырили в саду того же дяди Вали или которые он сам притаскивал вечером в тазу, собрав падалицу:

— Грызите, ребята!

Мы грызли и слушали его рассказы. Чего он только не знал!

Дядя Валя добрый, не то что жена его. Хоть она и с садовым именем — тетя Груша, — а никогда яблок не даст, даже зеленых. Соберет в таз — и режет на компот. Поэтому в отместку мы иногда днем залазили в сад. Ну не ждать же до вечера, если вдруг яблок захотелось? К ним лазили и к Коваленко. У других сады были поменьше и таких вкусных яблок не росло.

Правда, так было раньше — сейчас я считал себя уже достаточно взрослым для садовых вылазок. И Радина подросла... Интересно, в чем она купается сейчас? Приподняв голову, я посмотрел сквозь листву. Радинка плескалась посреди пруда в светлой рубашке с лямками. Ее фигура изменилась, стала более полной.

Я нисколько не удивился, когда Ираклий сказал, что надутые губы Радины похожи на хинкали. Самому казалось, что вся она какая-то «съедобная». Похожа на булочку, которые в столовой продают, а родинка у правого глаза — как изюминка, вылезшая из теста. И щеки у нее как пирожки. Настолько пышные, что глаза над ними кажутся совсем узкими и напоминают два полумесяца, опрокинутые рожками вниз...

Наступила моя очередь. Радина залезла в заросли отжимать мокрое белье, а я прыгнул в воду. Когда доплыл до конца пруда и обернулся, она уже в платье стояла на берегу.

— Нарви там цветов! — крикнула она.

И я вылез на противоположный берег, где на солнечной опушке росли какие-то мелкие цветочки.

Грелись мы на лавочке недалеко от пруда. Средняя доска на ней выломана, зато крайние и спинка жгуче-горячие. В мокрых трусах сидеть в самый раз. Тишина стояла вокруг, только в самой глубине неба трепетал крыльями и заливался жаворонок. Нипочем ему жара, хотя другие птицы попрятались от нее и не пели уже так, как утром. Еще изредка доносился рокот машин, работающих на полях. Хорошо сидеть развалившись, подставив лицо солнцу! Радинка плела венок, потом надела его на голову. Но разве могла она усидеть на одном месте?

— Пойдем за клубникой! — сказала она, указывая рукой на поле за рощицей, в которую постепенно переходили заросли пруда.

— У тебя что, дома клубники нет?

Уже давно территория возле нашего барака была огорожена штакетником, и наши матери сажали там огородную мелочь, клубнику, малину.

— Да сколько там? Едва на варенье хватит, к тому же она в тени зеленая. А мне хочется клубники сейчас, я ее с того года не ела!

Я взглянул на поле: на ровных, еще не заросших сорняками темно-зеленых рядах то там, то здесь виднелись бордовые проблески. Но лезть туда мне совсем не хотелось!

— Тут же обходчик есть, поймает, нажалуется в школу директору. Позора не оберешься...

— Трусоват ты стал в последнее время!

— Да я не боюсь. Но не маленькие мы уже, стыдно как-то.

— От кого стыдно? Здесь не видать никого.

Она прошла вперед и, приложив руку козырьком ко лбу, оглядела окрестности:

— Нет никого, пошли!

И решительно двинулась к клубничной плантации. Я, конечно, поплелся за ней.

Сначала мы рвали ягоды на самом краю, но так как поспели они не все, то мы передвигались с ряда на ряд в глубь поля.

— Помнишь, на седьмом виктория растет? — спросила Радина.

Викторией мы называли клубнику с острым кончиком и торчавшими вверх наподобие короны чашелистиками. Она немного меньше обычной, но более твердая, сухая и очень сладкая. Запах у нее тоже особый.

Оглядевшись, мы перебрались на седьмой ряд, потом на восьмой, где спелой ягоды росло еще больше. Так увлеклись, что сначала я даже не понял, как к нам подобрался сторож... Услышали шорох травы, подняли головы — и вдруг увидели его в двух метрах от нас. Потом уже я сообразил, что шел он не по полю, а вышел из боковой аллеи, которая соединялась с рощей, и напрямик двинулся к нам. Радина вскочила и хотела бежать в сторону пруда, но сторож в несколько прыжков преградил нам путь. В руках он держал ружье. Ничего не оставалось, как бежать вверх по рядам, чтобы свернуть позже и выбежать на дорогу. Там он вряд ли поймает нас...

Радинка летела впереди: только сверкали белые подошвы ее полукед. Я бежал в шлепках, изо всех сил сжимая их пальцами ног, чтоб не слетели на ходу. Вдоль поля шел глубокий арык. Сейчас, правда, сухой, но через него ведь надо перепрыгнуть... Радинка перемахнула на другую сторону, только платье взвилось парусом. Я перескочил тоже, но гладкая подошва заскользила по траве противоположного берега, и я упал. Пополз вперед и потерял шлепанец...

Сторож стоял надо мной, расставив ноги:

— Вставай немедленно! Сейчас вас в школу отведу!

Я лежал в траве, обхватив голову руками, и не вставал. Тогда он разрядил ружье у моих ног. Я испуганно вздрогнул и услышал голос Радинки. Приподнял руку.

Она стояла поодаль и орала:

— Вы что, решили убить его? Из-за ягод? Дети съели несколько штук, а вы хотите их убить? Ну, стреляй, фашист проклятый, зато всю оставшуюся жизнь проведешь за решеткой!

Сторож опустил ружье и, видимо, растерялся. Но ненадолго.

— А, это А-акишева! — протянул он. — Ну, посмотрим, кто в тюрьме будет сидеть: я или маленькая воровка. Для начала схожу к твоему отцу!

Он повернулся и пошел в сторону аллеи. Радина подбежала ко мне.

— Попал? Больно?

— Нет, не задел... Хуже, что в школу притащится.

Я сел, но даже вставать не хотелось.

— Он тебя, по-моему, не узнал. А я буду молчать, как партизанка. И вообще это так не оставлю! Он ведь мог попасть в тебя! — кипятилась она.

— Но не попал...

— Все равно!

Мы побрели домой. Радина осталась у меня, мы сели у телевизора. И вдруг в окно я увидел дядю Касыма.

— Радинка, атас! — шепнул я.

— Лезь в постель! — не растерялась она. — Скажем, тебе плохо.

Дядя Касым сначала подергал дверь в квартиру Радины, потом сразу направился сюда.

— Папа, это безобразие! — громко заговорила Радина, едва он вошел. — Сторож стрелял в человека! Чингиз, наверное, никогда не сможет ходить. Из-за каких-то двух ягод...

— Не из-за двух ягод! — сурово перебил дядя Касым. — Вы паслись на колхозном поле, будто вас дома никто не кормит! Как будто не покупаем вам сладостей и не выращиваем для вас ягод.

— Наши еще не поспели, а мы на поле увидели спелые. Не удержались — попробовали. Из-за этого нас убивать?

— Сакен мне другое рассказывал. А ну, повернись! — скомандовал он мне, отдергивая одеяло.

Я перевернулся на живот, а он оттянул резинку трусов.

— Ну, и где тебя ранили? Зря ты шумишь, Родина, — он и потом никогда не называл дочь по-другому. — Это не поможет тебе!

— Папа, у него шок...

— Иди за мной!

Радина вышла. А я решил все равно притворяться больным, как советовала Радинка, и оставшуюся часть дня провел в постели, читая «Трех мушкетеров». Матери сказал, что у меня болит голова. Это сработало. Она, правда, стыдила меня за ягоды, но хоть ушей не трогала. А отца в тот момент дома не было: его вызвали на военные сборы.

О том, что случилось с подругой, я узнал вечером.

— Думала, что папа заставит меня съесть ящик клубники, как было с конфетами... — начала она.

Это Радина вспомнила случай двухлетней давности. Тогда на Пасху она предложила ребятам ночью пойти на русское кладбище и «собрать дань», как она выразилась. Мы вернулись с карманами, полными конфет, печенья, а по дороге стукались крашеными яйцами: чье выдержит. Но разве в поселке что-нибудь утаишь? На другой день кто-то донес родителям, и всем попало. Меня отодрали за уши. А отец Радины купил две плоских коробки ирисок, поставил посередине комнаты в своем доме и запер в ней дочь:

— Не выйдешь, пока не съешь!

Радина съела всего горсть «кис-кисок», но почувствовала, что ее тошнит. А в коробке конфет почти не убавилось. Что делать? Она развернула часть конфет, а бумажки раскидала по полу. Взяла в шкафу старую наволочку, положила в нее конфеты без оберток, завязала узелком и бросила в развилку старого дуба, что рос неподалеку от окна. В это время отец зашел проверить, что делает дочка, а Радина растянулась на полу и застонала.

— Ой, не могу, тошнит, вырвет сейчас, — причитала она.

Отец с ужасом посмотрел на разбросанные всюду бумажки, схватил Радину, вытащил на улицу и велел ей выпить воды:

— Вырывай, вырывай быстро! — скомандовал он.

Радинка засунула палец в рот, и ее действительно вырвало. Но она еще заставила отца отнести ее на руках к своей тетке и очень сильно поволноваться, потому что стонала до самого вечера. Успокоилась только тогда, когда пришли обе матери и накинулись на дядю Касыма с руганью.

На другой день я слазил за конфетами на дуб. И наша компания — вся, кроме Радинки, — еще неделю жевала эти ириски.

— Это вам компенсация за страдания, — сказала Радина.

Любила она ввернуть какие-нибудь такие словечки!

Сейчас дядя Касым не решился повторить прежний воспитательный метод, тем более что Радинка сказала:

— Если хочешь, чтобы ела клубнику, принеси мне сразу помойное ведро, а то у меня уже живот крутит!

— Нет, сладостей ты в этот раз не получишь! — заорал дядя Касым. — Твоему дружку соли не досталось, так ты ее отведаешь.

Он действительно принес из сарая крупную соль, которая хранилась там для баранов, и насыпал в угол.

— Становись коленями!

Радина пыталась возражать, но дядя Касым был зол.

— Вставай, говорю!

Радинка закусила губы и встала на соль.

— Больно было? — спросил я.

— Сначала нет, я пыталась стоять то на одном колене, то другом. Но потом, когда появились ранки, стало очень больно. Смотри...

Сквозь белую ткань гольфов в двух местах проступили точки темной крови.

— Но я терпела: представляла, как придут мамы и как отцу попадет, — засмеялась она.

— Попало?

— Еще как! Особенно от мамы Райхан. Она пригрозила, что пожалуется в партию «за издевательство над ребенком» и эти... «средневековые методы воспитания»!

Мама Жамиля тоже сильно ругалась. Промыла мне колени марганцовкой и даже не заругала за клубнику. Но на дискотеку она вряд ли бпустила меня. Поэтому я вернулась к маме Райхан...

Дискотека в поселке проходила по пятницам и субботам.

— И что, отпустила?

— Ага. Она на моей стороне. Пойдешь тоже?

— Спрошу у матери. Вообще-то, я сказал, что голова болит...

Матери во дворе не оказалось, я сидел и ждал ее у Радинки.

— Буду собираться, — сказала она.

Собираться для Радины — значит красить глаза и завивать волосы. Мне было любопытно наблюдать за ней. Она расплела косы и смочила их концы сахарной водой.

— А сахар для чего?

— Чтоб кудри держались!

На концах ее волос повисли, как елочные игрушки на ветках, разных цветов и размеров бигуди. Затем Радина открыла коробочку с синей тушью, поплевала в нее и сыпнула туда щепотку пудры из другой коробки.

— А это зачем?

— Чтобы ресницы пушистей были!

Радина смазала этой смесью ресницы, потом прогнала меня и переделалась в короткую юбку и кофточку, раскрутила бигуди.

Однако на дискотеку я так и не пошел. Мать сказала, что не только на танцы, на улицу я неделю не выйду. Поэтому мне оставалось только снова взяться за книгу. Позже сквозь приоткрытую дверь донесся голос дяди Касыма, который на улице о чем-то спорил с тетей Райхан. Наверное, он пришел мириться, потому что говорили они, кажется, о Радине, но слышно было неважно... Потом я услышал и саму Радинку:

— Мама, я пошла!

— Куда на ночь глядя? — голос дяди Касыма загремел неожиданно громко.

Вместо Радины ответила что-то тетя Райхан. Потом снова дядя Касым:

— Зачем балуешь ее, Райхан? Девчонка провинилась, а ты развлекаться ее отпускаешь! Еще и с вашим Робинот Гудом, наверно?

Это, кажется, про меня... Я подошел к двери и выглянул наружу.

Дядя Касым сидел под навесом за уличным столом вместе с тетей Райхан и моей матерью. В пиалах остывал чай, но все выглядели недовольными и не касались чашек.

Моя мама сказала:

— Я своего не отпустила. Тоже считаю, что Райхан слишком балует дочь.

— Ой-бай, что ее, взаперти держать? Как в средние века за забором? Плеткой стегать? Что она сделала такого? Ну, поели с Чингизом ягод с поля... Кто этим не грешил в детстве? Забыл, Касым, как мы у соседей курт, положенный на просушку, воровали?

— Тогда голодное время было, — смущенно стал оправдываться отец Радины. — А сейчас стараемся детям ни в чем не отказать...

— Голодное не голодное, а проступок один и тот же, и дети — это дети! — не сдавалась тетя Райхан. — Вырастет — поумнеет, как мы с тобой.

— Если детей не наказывать, как они будут знать, где хорошо, а где плохо? — спросила моя мама. — Я Чингиза не отпустила: пусть сидит и думает. Не первый раз ведь шкуют! А насчет Родины люди уж давно говорят: повезло вам, что девочкой родилась. Был бы парень — из тюрьмы бы потом не вылез!

— Кто это такую глупость говорит? — неожиданно рассердился дядя Касым.

— Ну, Шолпан, с которой мы работаем, и другие...

— Шолпан пусть за своими детьми следит! Еще неизвестно, какие они вырастут. А мои дети никогда по тюрьмам сидеть не будут. Родина тоже переберется. У нее память отличная, учится хорошо. Жена всегда удивляется, как с такой головой столько глупостей совершает! Я думаю, это в ней кровь бродит, как крепкий кумыс в бурдюке. Еще и с мальчишками все время бегают. Вот повзрослеет, почувствует себя девушкой, тогда все переменится. Вот только баловать ее не надо!

— На танцах и почувствует, — возразила тетя Райхан. — Нарядилась как моя девочка! Пусть хоть она счастливой будет, если я не смогла. Только этого и хочу... А что поздно — не беда. Она с подружкой пойдет, а после я ее с дискотеки встречу.

И еще что-то добавила так тихо, что не разобрать.

Я вернулся в комнату. Стало вдруг грустно: Радинка там без меня, танцует с каким-нибудь другим парнем... Хотя насчет глупостей — это правда. У нее просто дар попадать в такие ситуации! Недавно, например, чуть не написала сочинение про фашиста.

Жамиля Оспановна задала к тридцатилетию Победы написать про одного из наших земляков. Радинка шепнула в спину:

— Знаю про кого!

И после школы понеслась к дяде Вале, прямо на работу. Залезла на бречку и говорит:

— Я знаю, вам, конечно, некогда. Но пока едем, вы мне все расскажете, а то вас кто-нибудь другой перехватит. А это я придумала про вас в сочинении написать. Вы так интересно о войне рассказываете! Нужно только с самого начала: как вы туда попали и как вас призывали...

Дядя Валя удивленно на нее глядел, а потом стал смеяться своим дробным трескучим смехом:

— Да ты если, девочка, про это напишешь, не только пятерки не получишь, еще и отца твоего в тюрьму загребут, а тебя из пионеров выгонят!

— Почему? — не поняла Радинка.

— Потому, глупая, что на стороне немцев я воевал...

Оказалось, что дядя Валя вовсе не Валентин, как мы думали, а Вальтер, пленный немец. В Германию он не вернулся из-за тети Груши.

— Влюбился в нее — и все! Поехал вот к ней сюда, — объяснил он.

Радинка, потрясенная и расстроенная, прибежала ко мне. Она то вскакивала, то снова садилась на диван в моей комнате.

— Ой, Чингиз! А если б я не пошла к нему? — твердила она. — Что было бы? Сначала хотела ведь сразу писать. Я все его истории помню... А потом решила предупредить дядю Валу: если кто другой к нему заявится, сказал бы, что я его заняла...

— Вот пусть теперь другие и пишут, — фыркнул я. — А ты лучше никому про него не рассказывай, а то тебя опять засмеют!

В этот раз смеялся над Радинкой один я.

Мы так и не написали это сочинение. Соврали, что ходили к одному ветерану, да он заболел...

* * *

Родной поселок встретил меня солнцем и песнями. Годы слегка потрепали его так же, как и меня. Многие знакомые дома просели и обветшали. На старом тротуаре осталось больше выбоин, чем асфальта. Решетка у сквера Победы покосилась и кое-где исчезла совсем, хотя внутри него несколько лет назад поставили памятник погибшим

на войне сельчанам. Дом культуры был заброшен и закрыт, а универмаг отдали в частные руки: внутри него теперь был базар.

Школа показалась мне меньше той, что осталась в памяти. Но выглядела почти так же: побелена и выкрашена в синий цвет. Деревья позади нее, что мы сажали на весенних субботниках, сохранились не все, но те, что остались, вытянулись и уже свысока поглядывали на крышу старого двухэтажного здания. А площадка перед центральным входом была заново асфальтирована.

На ней толпился народ, стояли ряды столов с конфетами и баурсаками. Вдоль них — деревянные скамьи, на которых сидели аксакалы и пожилые женщины.

— Чингиз Омарбекович! — услышал я. — Вы здесь? Какими судьбами?

Ко мне подошел завуч школы. Когда я уезжал из поселка, его прислали сюда на работу. Тогда он был молодым, снимал квартиру недалеко от нас, а по вечерам играл в волейбол с местными мальчишками. Сейчас в волосах пробивалась седина, я с трудом узнал его.

— Вот приехал навестить родственников... А вы здесь так и работаете? — сжал я протянутую руку.

— Да, остался. Теперь это и мой родной аул. Пойдемте за стол, сегодня большой праздник!

Мне не хотелось задерживаться, но учитель взял меня под руку и повел к столам, по пути представляя всем остальным.

— Чингиз Омарбекович... Наш земляк. В городском акимате работает!

Мне пожимали руки, потом люди, сдвинувшись, освободили место на лавке:

— Садитесь, пожалуйста, сейчас концерт будет.

Отказываться было неудобно. К тому же школа, деревянные скамейки и детские голоса всколыхнули в душе столько ностальгических воспоминаний!

Большое крыльцо школы использовали как импровизированную сцену — так было и в наши времена. Дети выходили сюда из коридора, пели, читали стихи и танцевали в национальных костюмах красивые танцы. Песни тоже звучали на разных языках: Наурыз давно стал всеобщим праздником в Казахстане.

На блюдах принесли плов. Я ел, смотрел и слушал, переговаривался с земляками. Концерт подходил к концу, когда на крылечко вывели хор, состоящий в основном из девочек-подростков. Одна из них — та, что стояла впереди, — тоненько затянула:

С чего-о начи-инается Родина?

И эхом, негромко, вполголоса, откликнулись остальные голоса:

С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе...

Перед глазами тут же замелькали картинки детства и, конечно, Радинка. Девочка, которую звали Родина... Как она сейчас?

Расстались мы сразу после школы. Радина поступила в Кооперативный техникум в Караганде: к этому времени там жила и училась ее сестра. Я тоже уехал. Встретились мы всего пару раз на каникулах, когда приезжали домой к родителям. Как прежде, бродили по поселку, болтали обо всем, ходили на дискотеку. Даже в голову не могло прийти, что больше не увижу ее! Казалось, она всегда будет рядом. А не сложилось...

Сестры почти враз выскочили замуж: Радина через год после старшей сестры. У нее родился ребенок, и навещала она теперь Акишевых совсем не в то время, в какое приезжал я. Узнавал о ней только от мамы, пока она была жива, или от бывших одноклассников, которые порой пересекались с ней. Слышал, что позже она переехала в Алматы, живет где-то на окраине города в большом особняке...

Но вот что поделаешь?! Родина началась для меня именно с нее, с этой девочки, с ее имени, с этой песни...

И хоть сменила имя она потом (даже получая паспорт, настояла, чтобы «Радина» писали через «а»), но полностью забыть старое произношение не смогла ни она, ни ребята. Порой даже в старших классах кто-нибудь крикнет:

— Родина-мать зовет!

А она заторопится в учительскую, пока не услышит оглушительный хохот парней. Остановится, опомнится, бросится на обидчиков, а они разбегутся в разные стороны... Тогда она, сжав губы и гордо подняв кверху маленький носик, шагает обратно.

Что поделаешь, если Родина до сих пор видится мне в ее образе? В озорных искорках хитро сощуренных глаз; в пухлых щечках, похожих на аппетитные румяные булочки; в толстых косах с кулак толщиной, кончики которых кокетливо завиты ночью на разноцветные бигуди... Я вижу ее в крепком подвижном теле. В неутомонной голове ее без конца роятся идеи, а отважное сердце не знает, что значит унывать. Юморная и стойкая, наивная и находчивая, красивая естественной своей красотой, не сдающаяся никогда моя Родина...